

18+

Сергей Карпенко

«В лунном сиянии...»

Сергей Карпенко
«В лунном сиянии...»

«Издательские решения»

Карпенко С.

«В лунном сиянии...» / С. Карпенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986859-6

Роман о сложном периоде в истории нашей страны. Судьбы героев показаны на фоне революции и Гражданской войны в России. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-986859-6

© Карпенко С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

«В лунном сиянии...»

Сергей Карпенко

Редактор Ольга Карпенко

Дизайнер обложки Муза Садкова

© Сергей Карпенко, 2020

© Муза Садкова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-6859-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Над бескрайним степным простором, с редкими зарослями кустарника, царит зимняя ночь. Степь освещается лунным светом. В лунном сиянии снег серебрится и блестит, будто сказочное покрывало, окутавшее землю. Невысокий кустарник застыл в пушистом снежном одеянии, словно боясь стряхнуть с себя теплую накидку и остаться раздетым на морозе. Ветер стих. Воздух чист, прозрачен, и видно, как небо опускается к земле за линией горизонта, укладывая звезды на мягкую белую перину. Разрезая серебристую даль, едва заметной полосой вьется зимняя дорога, плавно огибая заросли кустарника. По ней движется темная точка. Это тройка лошадей, запряженная в сани, летит, вздымая комья снега и оглашая окрестности залившимся звоном колокольчика. Лошади, как на подбор, серые в яблоках, легко тянут сани с одним седоком да ямщиком на облучке, бородач в овчинном тулупе и высокой меховой шапке. Он не бьет кнутом лошадей, а только строго покрякивает да шевелит поводьями. В санях молодой человек, закутавшись в тулуп, не спит, а думает о чем-то. Взгляд его неподвижен и печален. Видно, мысли его оставляют тяжелый осадок в душе. Ему двадцать три года. Это офицер, подпоручик, навестивший родителей в их имении впервые после выпуска из военного училища, и теперь едет к месту службы. Зовут его Евгений Владимирович Ярославцев. Он высокого роста, светловолос, кареглаз, с небольшими усиками. В чертах его лица есть что-то мальчишеское, и это не могут скрыть даже грусть и печаль, окутавшие его чело. Изредка он тяжело вздыхает, и что-то подобие стога слышится из его груди. Видимо, Евгений перенес какое-то горе, все еще камнем лежащее на его сердце.

В Симбирской губернии барские усадьбы Хомутино и Нелидово были расположены по соседству, и это обстоятельство связывало их владельцев, господ Ярославцевых и Полонских добрососедскими, почти родственными отношениями с самых незапамятных времен. Визиты, совместные обеды и ужины чередовались запросто, без приглашений. И даже выезды к другим помещикам оба семейства делали вместе, заезжая друг за другом. Их дети: Евгений Ярославцев и Катенька Полонская росли вместе, как брат с сестрой, а родители в шутку говорили, что вот, мол, жених и невеста. Подвижный и шустрый Евгений был неистощимым на выдумки, а тихая, скромная Катя послушно следовала всем его начинаниям. Уже учась в гимназии, приезжая домой на каникулы, они всегда предавались детским забавам: «обув железом острым ноги», катались по льду замерзшего пруда в Нелидово, играли в снежки с деревенскими ребятами в Хомутино и с увлечением лепили снеговиков.

Так проходили годы детства, следуя один за другим, пока однажды Катя вдруг отказалась от предложения Евгения залезать на дерево, чтобы разорить воронье гнездо, а, взяв книгу, пошла в сад и села на скамейку в тени деревьев:

– Ну вот еще. Девушке неприлично лазать по деревьям.

Евгений опешил, ведь Катя всегда соглашалась на все его предложения и с восторгом встречала его выдумки. Но что-то произошло с Катей, она стала какая-то другая, да и выглядела уже не как девочка. Катя превратилась в стройную белокурую барышню с голубыми глазами и ямочками на щеках. В этом году в соседней с Хомутино и Нелидово усадьбе Коньково появились новые владельцы – господа Лошаковские. Они были вынуждены уехать из Петербурга, так как влажный климат столицы не подходил мадам Лошаковской, а местный – был одобрен врачами. Лошаковские купили здесь имение Коньково, выставленное на торги. Едва обосновавшись, они принялись делать визиты и знакомиться с соседскими помещиками.

У Лошаковских был сын, ровесник Евгения и Кати, Леонид, тоже гимназист, которого перевели в местную гимназию в один класс с Евгением. Он был повыше ростом, чем Евгений, со смуглой кожей и постоянно бегающим взглядом зеленых глаз.

Теперь были каникулы, и Леонид частенько бывал в Нелидово у Полонских, с отцом, который постоянно толковал с Катиным папой о каких-то делах. Бегать и лазать по деревьям с Евгением Леонид отказался. Он садился на скамеечку в тени деревьев рядом с Катей и молча смотрел на нее, как она читает. А Евгений носился с деревенскими мальчишками и не понимал, глядя на Катю и Леонида: «Как можно просто сидеть и читать какую-то книгу, когда столько интересного вокруг?!» И он реже стал бывать в Нелидово. Катю смущало внимание Леонида, который обычно молчал, глядя на нее. Она под разными предлогами старалась покинуть его общество, но он неизменно появлялся рядом с ней, куда бы она не уходила. Леонид постоянно молчал и был задумчив, глядя на нее, а она не знала, о чем говорить с ним, и от этого приходила в еще большее смущение.

В гимназии Леонид быстро стал своим среди одноклассников, в компании которых постоянно о чем-то шушукался. Но в отношении с Евгением он держал дистанцию, не пытаясь сблизиться. Со временем у Евгения появилась неприязнь к Леониду, и он потихоньку начал сторониться компаний, где бывал тот. Чем была вызвана эта неприязнь, он и сам не мог объяснить, но эти бегающие глаза, этот вкрадчивый голос стали раздражать. Евгений чувствовал, что и Леонид невзлюбил его, но его детский ум еще не мог понять, что виной этому Катя.

Как-то он получил письмо от нее, в котором она спрашивала, почему он перестал бывать у них. Евгений не стал отвечать на письмо, он не хотел рассказывать о нескладывающихся отношениях с Леонидом, зная, что тот постоянно бывает в Нелидово. Об этом говорили ему родители, которые недоумевали, почему сын отказывается от визитов к соседям. Однажды Полонские приехали в Хомутино, и Катя предложила Евгению прогуляться в саду. Она попросила объяснений у него, почему он перестал бывать у них, почему не ответил на ее письмо. Евгений рассказал о сложных отношениях с Леонидом и о нежелании бывать с ним в одной компании:

– Он постоянно бывает у вас, ведь так?

– Да, у его отца какие-то дела с папа. Но что же все-таки произошло между вами? Вы оба мои друзья, и мне непонятно и неприятно ваше взаимное отчуждение. Так ведь и до вражды дойти может, а это грех. Евгений, прости его, если он тебя обидел. Его я тоже попрошу, прости тебя.

– Катя, у нас нет никакой вражды и взаимных обид. Просто этот человек неприятен мне, а я ему, наверное. Нам не нужно бывать вместе, только и всего.

Во время очередного визита Лошаковских в Нелидово Катя вызвала на разговор Леонида:

– Что произошло у вас с Евгением? Почему вы не бываете вместе? Расскажите мне, пожалуйста, правду.

– Что вы, Катя?! У нас с Евгением все хорошо, мы не ссорились и находимся в прекрасных отношениях. Не стоит вам так волноваться об этом, – улыбнулся Леонид.

Но Катя неодобрительно покачала головой, его ответ показался ей неискренним: «Но почему он не хочет сказать ей правду?».

В гимназии, в одном классе с Евгением и Леонидом учился Игнатий Пузырев, маленький и щедушный мальчик из многодетной семьи бедного чиновника. Родители его из кожи лезли, чтобы их старший сын мог учиться в гимназии. Пузырев был робким и застенчивым. Стыдясь бедности своих родителей, он всегда старался быть незаметным среди товарищей. Учился он посредственно и был постоянным объектом шуток и издевок одноклассников, которые внешне переносил терпеливо и смиренно. Леонид Лошаковский как-то сразу избрал Игнатия объектом своих насмешек. Он высмеивал при всех его ботинки с латками, гимназическую курточку с заплатой на локте, потрепанное пальто, сшитое из старого байкового одеяла. Бедный Игнатий

очень страдал и даже думал бросить гимназию, но боялся огорчить этим родителей, зная, что его учение – единственное светлое пятно в их нерадостной жизни.

Однажды при очередном всеобщем унижении Пузырева Евгений Ярославцев не выдержал и громко заявил Леониду, что это подло – обижать слабых и беззащитных, вместо того, чтобы помочь им.

– Если хотите помочь, то почему бы вам не одолжить ему свое пальто? – ехидно спросил Леонид под смешки одноклассников.

Евгений взял свое пальто и протянул его Игнатию:

– Берите, теперь оно – ваше. Я дарю вам.

– Ну что вы, не надо. Зачем же, – запротестовал Пузырев.

Но Евгений, накинув пальто на его плечи, вышел из гимназии и зашагал домой. Его настигли торопливые шаги Игнатия:

– Господин Ярославцев, я не знаю, как благодарить вас. Знайте, я всегда буду Бога молить за вас!

– Пузырев, идите домой и не думайте об этом. Извините, я спешу, – Евгений свернул на свою улицу и добавил шагу.

Отец Евгения, Владимир Андреевич, узнав об этом случае, отнесся к нему неодобрительно:

– Еще ни копейки не заработал, а уже благотворительностью занимается. Пусть теперь ходит без пальто, – сердито говорил он жене, Анне Владимировне. Но она, в отличие от мужа, поняла поступок сына, в душе одобрила его и написала об этом своей матери, бабушке Евгения, Ольге Эдуардовне. А та ужаснулась: «Да как же это ребенок будет без пальто ходить?!». И тут же купила пальто внуку.

– Балуete вы его, – ворчал Владимир Андреевич. – Пусть сам научится зарабатывать деньги.

– Да, да, – согласилась с сыном мать Владимира Андреевича, Елена Николаевна, часто бывающая у них в гостях.

– Успокойся, дорогой. Я думаю, ты поступил бы так же, – отвечала ему Анна Владимировна, строго взглянув на свекровь.

– Да? – недоуменно спросил ее муж и замолчал.

После окончания седьмого класса гимназии, летом, на каникулах, Евгений уже не носился с деревенскими мальчишками. Это был уже не мальчик, но юноша. Он заметно вырос, окреп. Его голос стал грубее, над верхней губой пробивался пушок. Евгений опять стал бывать в Нелидово, хотя присутствие там Леонида ему было по-прежнему неприятно. Теперь они гуляли втроем: Катя, Евгений и Леонид. Детская дружба переросла во влюбленность. Ароматы полевых цветов, пение соловья в Нелидовской роще опьяняли и кружили головы. Евгений мучался, ревновал Катю к Леониду, страдал. Он видел, что и Леонид испытывает те же чувства и тоже страдает. Катя одинаково была приветлива с обоими. Она улыбалась, шутила, смеялась шуткам друзей, но смотрела на Евгения и Леонида одинаково, и искренне огорчалась, когда кого-то из них с ними в компании не было.

Мучаясь и страдая, Евгений решил объясниться с Катей. Он написал ей письмо, где пытался рассказать о своих чувствах к ней, затем порвал его, и стал писать снова, но опять рвал написанное, и снова писал.

Наконец, с четвертой попытки, письмо было написано. Евгений запечатал его в конверт и отправил Кате, но тут же пожалел об этом. «А вдруг, она любит Леонида, и они будут теперь вместе читать мое письмо и смеяться надо мной», – пронеслись мысли в голове Евгения, и ему становилось невыносимо больно от них.

Прошло несколько дней, затем неделя, но ответа от Кати не было, и Евгений подумал уже, что, может быть, она не получила его письмо.

Но вот Полонские приехали в Хомутино. При встрече Катя не посмотрела на него, и потом, сидя за обеденным столом, тоже не поднимала на Евгения глаз. А он нетерпеливо ждал, когда же закончится этот обед, чтобы предложить ей прогуляться в сад и на прогулке выяснить, любит она его или нет. Вот обед закончился, Владимир Андреевич и Катин папа, закулив папиросы, пошли на террасу, женщины принялись обсуждать какие-то свои дела, и Евгений предложил Кате прогуляться. Они вышли в сад и молча пошли по аллее.

Отойдя подальше от дома, Евгений спросил:

– Вы... ты получила мое письмо?

– Да, – ответила Катя, не глядя на него.

– Я хочу знать, ты любишь меня?

Помолчав немного, Катя едва слышно произнесла:

– Да...

Евгений взял ее руку и поднес к губам.

Дойдя до беседки, они вошли в нее. Евгений обнял Катю и поцеловал в губы.

– Сюда кто-то идет, – сказала Катя и отстранилась от него.

– Тебе показалось, – успокоил ее Евгений.

– Нет, лучше пойдем к дому, а то хватятся, что нас нет, – предложила она.

– Ну хорошо, пойдем, – согласился он.

Они пошли, держась за руки, а сердца их стучали, и, казалось, готовы были вырваться из телесной оболочки и унести во вселенную.

Так началась эта первая, юношеская, чистая любовь.

Евгений и Катя были безумно счастливы, и хотя она, в отличие от него, пыталась скрывать от окружающих свое чувство, но все заметили, и поняли их отношения, и приняли, как должное, ведь их с раннего детства считали женихом и невестой.

Через год была окончена гимназия, и встал выбор дальнейшего пути.

В то время общество по-разному переживало неудачу в войне с Японией. Многие русские патриоты хотели посвятить свою деятельность, свою карьеру укреплению военной мощи России, поступая в армию и на флот, в отличие от революционеров, которые открыто радовались победе Японии, и даже направляли поздравления японскому микадо после Цусимского боя.

Решение Евгения поступить в военное училище и стать офицером в семье одобрили. Но Катя огорчилась.

– Это всего два года, Катя. Они пролетят быстро, и мы вновь будем видеться каждый день, – успокаивал ее Евгений.

– Но ведь тебя отправят куда-нибудь служить.

– Но мы обвенчаемся, и ты поедешь со мной.

– А я слышала, что офицерам сразу после училища жениться не разрешают.

– Это формальности. Мы все уладим.

В училище Евгений был по успеваемости одним из первых. Военная наука давалась легко. Он подробно писал родным и Кате об учебе, о новых товарищах, о посещении их училища Государем-императором.

На втором году обучения письма от Кати стали приходить реже. Да и тон писем был довольно сдержанным. Наконец пришло письмо, где Катя просила прощения, говорила о каких-то обстоятельствах, о том, чтобы он понял ее, простил и постарался забыть. Евгений тут же написал ей, требуя объяснения, но ответа от Кати не последовало.

Он томился от неизвестности и не находил себе места. Учеба отошла на второй план. Преподаватели и товарищи по учебе заметили это состояние Евгения, видели, что он пережи-

вает какую-то глубоко личную драму, и, как могли, старались помочь ему отойти от переживаний, отвлечь его чем-нибудь, но все было тщетно.

Окончив гимназию, Леонид Лошаковский, по совету отца, поступил на юридический факультет Московского университета. Учился он легко, с товарищами сошелся быстро, выбирая тех, кто мог бы пригодиться ему в будущем: потомков известных в России фамилий; отпрысков государственных мужей и владельцев капиталов. Но и среди нищих горлопанов, любивших побузить, Леонид тоже считался своим человеком, благодаря своему дару – везде, всегда и ко всему уметь приспособиться.

Бывая у родителей в Коньково, Леонид постоянно ездил с отцом в Нелидово к Полонским. Он без памяти влюбился в Катю, но она была холодна с ним и всегда заводила разговор о Евгении: как он там, в училище, приедет или нет к родителям. Леонида эти разговоры раздражали, но он не подавал вида, стараясь перейти на другие темы. В душе он ненавидел Евгения, злился, но ничего не мог поделать. Как-то он сказал отцу о своем чувстве к Кате.

– Ну что ж, сейчас тебе пока рано жениться. Окончишь учебу, там будет видно. Да, может, кого и получше найдем.

– Ах, отец, мне никто не нужен, кроме нее...

– Ну ладно-ладно. Говорю же, окончи сначала университет.

– Да уведут ее отец! Ярославцев Евгений уведет!

– Не уведет. Их имение в моих руках. Не пойдет за тебя – нищими их сделаю.

– А как оно в твоих руках оказалось?

– Да, папаша твоей Катеньки набрал долгов, а платить-то нечем. Я и скупил его векселя. Теперь могу предъявить их к оплате. Ясно, что он их не сможет оплатить. Вот я и скажу им, выметаться из имения куда хотят, в такой-то срок.

– А зачем тебе это?

– А как ты думаешь, мы Коньково купили? У нас что, куча денег была? Я тоже векселя скупал, Знал, чьи надо покупать. Векселя оплатить не могли, я забирал имущество и продавал его, ну, конечно, подороже. Вот так, сын, капиталец наживается. Ведь большого наследства я от батюшки своего, царствие ему небесное, не получил, да и нечего было получать. А мать твоя тоже мне приданого не много принесла. Вот и пришлось покрутиться. Но зато теперь, Леонид, мы стоим на ногах крепко. Теперь нас не столкнешь. Эх, тебе бы жену с хорошим приданым...

– Отец, я же говорил, что мне, кроме Кати, никто не нужен.

– Ну ладно, так и быть. Поеду я к ее папаше и потолкую с нам.

– Но ведь если она узнает...

– Ну я ему скажу, что это я сам решил тебя женить, что ты не знаешь. Не переживай, Леонид, куда им деваться из имения с больным отцом, согласится она.

– Дай-то Бог, отец.

– А матери пока ничего не говори.

– Хорошо, отец.

На другой день старший Лошаковский приехал в Нелидово.

Закрывшись в кабинете у Катиного отца, они долго, почти три часа, не выходили оттуда.

Катина мама, чувствуя, что разговор очень серьезен, беспокойно ходила по дому, не в силах скрыть волнение. Наконец, Лошаковский вышел из кабинета, поцеловал ручку мадам Полонской и, отказавшись от обеда, уехал к себе в Коньково по срочному делу, как он объяснил.

Полонская вошла в кабинет мужа и с порога спросила:

– Ну что у вас тут было?

И муж все рассказал ей.

– Боже, ведь Катя влюблена в Евгения Ярославцева. Бедное дитя! За что ей все это?!

– Пойми, дорогая, что в случае отказа, мы будем нищими. Ты этого хочешь? – слабым болезненным голосом отвечал ей муж.

– А как же любовь?!

– Я уже не знаю, что сказать, чтобы ты поняла нынешнее состояние наших дел. У нас есть только один выход, и надо поговорить с Катей, объяснить ей все, – произнеся это, Полонский тяжело задышал и закрыл глаза.

Жена, видя, что ему стало хуже, тихо сказала:

– Ну хорошо, давай поговорим с дочерью.

Затем позвала горничную и приказала ей позвать Катю. Когда дочь пришла, родители объяснили ей все. Катя, заплавав, выбежала из кабинета отца и бросилась в сад. Полонская пошла искать ее и, увидев в беседке, подошла, обняла и заплакала:

– Доченька, ведь папа очень болен, и мы не можем оказаться на улице без крыши над головой.

– Маменька, я не люблю Леонида, как же я буду с ним жить, если люблю другого?!

– Катенька, но ради нашей семьи, ради больного папа ты могла бы принести эту жертву. Подумай, доченька, – сказав это, Полонская вышла из беседки и пошла в дом. Муж ждал ее, и сразу спросил:

– Что Катя?

Она прошла мимо него молча, с глазами, полными слез, и, зайдя в свою комнату, упала на кровать и зарыдала.

Утром, за завтраком, Катя сказала родителям, что согласна выйти замуж за Леонида Лошаковского.

Вскоре было объявлено о помолвке Леонида Лошаковского и девицы Екатерины Полонской, и назначен день венчания.

Мучаясь и страдая, Евгений написал письмо своей матери Анне Владимировне, спрашивая, как поживают господа Полонские, как Катя?

Анна Владимировна, зная о чувствах сына к Кате, тем не менее написала ему всю правду. Евгений узнал, что Катя под воздействием обстоятельств, была вынуждена согласиться на брак с Леонидом Лошаковским. Не так давно состоялась помолвка, и уже назначен день венчания. Прочитав письмо матери, Евгений вскипел от ярости и вероломства Лошаковских, но что он мог поделать...

Наконец учеба окончена. На торжественном построении новоиспеченных офицеров поздравил Государь. Видя вокруг себя счастливые и радостные лица товарищей, Евгений так и не смог отойти от грустных мыслей.

– Ярославцев, бросьте хандрить. Все образуется, – говорили ему.

Но он только грустно улыбался в ответ, и даже ночная пирушка, где обмывались погоны подпоручика, не смогла отвлечь Евгения от тоски.

Предстояла короткая поездка домой – навестить родителей.

«Надо поехать туда, увидеть Катю, забрать ее и увезти», – думал он, но, вспоминая слова матери о болезни Полонского и грозящей их семье нищете, Евгений опускал в бессилии руки и чувствовал безысходность. Конечно, будь он богат, непременно заплатил бы все долги Полонских и не отдал бы Лошаковским Катю, но откуда такие деньги у вчерашнего юнкера?! Да и семья его никогда не была богатой. Имение обеспечивало, конечно, кое-какой достаток, но особых излишеств не было.

Все это проносилось в голове Евгения, когда он ехал в поезде из Петербурга, а потом на высланной отцом из Хомутино за ним тройке.

Было начало декабря, но зима уже вступила в свои права. Снега было много, да и морозец заставлял кутаться в тулуп. Ветер поднял снежную круговерть, и только залиvistый звон колокольчика давал понять встречному, что едет тройка. А вот и родительский дом. Евгений взбежал на крыльцо, открыл дверь и тут же оказался в объятиях отца:

– Ну, покажись. Ишь какой бравый офицер.

Троекратно поцеловались с отцом, и вот уже мать повисла на шее у сына. По замерзшей щеке течет ее слеза:

– Евгений, сынок, наконец-то ты приехал. А мы тебя ждем-ждем. Каждый день на станцию отправляем Никиту на тройке.

– Ну и куда служить едешь? – спрашивает отец.

– В N-ский егерский полк. Он в Малороссии, в небольшом городке Екатеринославской губернии.

– Ну что ж, места не самые плохие, но все равно – глушь.

– А я думаю, со временем в Академию Генерального Штаба поступать, так что не век мне в глуши сидеть.

– Это правильно. Пока молодой делай карьеру.

– Сынок, пойдем за стол. Поешь с дороги сначала, а то ведь голоден, наверное, – говорит Анна Владимировна и, беря сына за руку, ведет в гостиную.

– И правда, пусть сначала поест, – соглашается отец и идет за ними.

Семья садится за накрытый стол, и Евгений с аппетитом ест домашнюю снесь.

– А мы ведь собираемся на свадьбу ехать, – говорит Владимир Андреевич, и на молчаливый вопрос в глазах Евгения добавляет:

– Полонские выдают Катю замуж за Леонида Лошаковского. Ты не знал? Тебе не писали? Вы же, кажется, дружили?

Евгений побледнел, встал из-за стола и тихо сказал:

– Спасибо, я уже сыт. Извините, устал, – и ушел в свою комнату.

– Зачем ты ему сказал о свадьбе? – упрекнула мужа Анна Владимировна.

– Он бы все равно узнал, – ответил Владимир Андреевич.

– Да, так вот совпало: его приезд и эта свадьба, – тяжело вздохнув, сказала жена.

– Ничего. Уедет на службу и, глядишь, успокоится.

Евгений, войдя в свою комнату, упал ничком на кровать. Его Катя, его любимая Катя выходит замуж за другого! Он чувствовал в сердце тоску и отчаяние: «Зачем теперь жить? – эта мысль пронзила сознание и острой болью отозвалась в сердце. – А может, она и не любила меня, может, ей это просто казалось? Да нет же, она любила, наверное и сейчас любит... Тогда забрать ее, увезти отсюда... Но что станет с ее родными потом... Нет, я должен увидеть ее!» – решил Евгений.

Выйдя из своей комнаты, он объявил родителям, что тоже хочет ехать в Коньково к Лошаковским на свадьбу.

Владимир Андреевич, услышав это, молча пожал плечами, а Анна Владимировна ужаснулась:

– Евгений, зачем тебе это?! Ты этим сделаешь себе больно, но ничего на добьешься, кроме больших страданий.

– Мама, я хочу видеть Катю. Хотя бы в последний раз.

– Ну что ж!.. Делай, как знаешь.

Господский двор в Коньково был забит санями соседских помещиков и гостей из города. Празднично одетая прислуга встречала прибывающих, принимая их шубы, шинели, шапки, шляпы, папахи, и провожала в зал, где были накрыты столы, составленные в виде буквы «П», и играла музыка. Ожидали приезда молодых после венчания. Гости развлекал оркестр, находящийся вверху на антресолях и играющий легкие, танцевальные мелодии. Лакеи в белых перчатках с серебряными подносами предлагали гостям шампанское. Слышался оживленный говор, смех и радостные восклицания давно не видевшихся знакомых.

Наконец, людское море забурлило, заволновалось. Взоры повернулись в одну сторону, и всюду слышался шепот: «Молодые приехали».

Оркестр заиграл свадебный марш, а гости расступились, давая проход молодым. Жениха и невесту встречали родители Леонида и мама Кати, одна, без мужа, который был дома, при-вязанный болезнью к постели.

Евгений сквозь толпу гостей увидел бледное личико Кати, обрамленное белой фатой, с опущенным взором. Ему показалось, что она тяготится и этим торжеством, и этим браком, и держится из последних сил, закусив нижнюю губу и не глядя ни на кого вокруг. Всюду звучали здравицы в честь молодых, звенели бокалы. Протиснувшись к выходу, Евгений выбежал из зала. Слезы подступили и чуть не брызнули из глаз, комок у горла не давал дышать. Хотелось скорее убежать подальше от этого торжества, чтобы не видеть и не слышать ничего вокруг. Выскочив во двор, он нашел свою тройку и прыгнул в сани, крикнув Никите:

– Гони домой!

– Позвольте, барин, вам принести вашу шинель и прапаху? Вы же в одном мундире вышли.

Евгений промолчал, не глядя на кучера. Никита сходил в господский дом и принес шинель и прапаху Евгения. Тройка вылетела из Коньково и стрелой понеслась в Хомутино. Евгению хотелось немедленно уехать из родных мест, и даже то обстоятельство, что он не простился с родителями, не останавливало его.

«Оставлю письмо», – думал он.

В Хомутино Евгений сел и написал письмо родителям, где просил простить его, что уехал не попрощавшись, и не гневаться на него, что так вышло, обещал регулярно писать им.

Никита с тройкой ждал его. Евгений вышел, остановился на минуту, поглядел на родной дом. Сердце сжалось, вспомнились годы детства, юность. Было чувство, что он в последний раз здесь, в родных краях. Вздохнув, Евгений прыгнул в сани и крикнул Никите:

– Поехали!

Никита стегнул кнутом коренного – и тройка с места пошла в рысь. Предстоял путь на станцию, а дальше на поезде – к месту службы.

Смеркалось. Евгений закрыл глаза и задумался. Что ждет его дальше, увидит ли он когда-нибудь Катю – мысли проносились в голове, как птицы, а впереди ждала неизвестность.

Жизнь в N-ском егерском полку текла размеренно, по давно проложенной колее, с парадами, учениями, тревогами, праздниками, со своими полковыми традициями, так же, как жили остальные полки Русской императорской армии.

Полк дислоцировался в небольшом малороссийском городке, не имеющем никаких достопримечательностей, скучным и захолустным, как и другие маленькие провинциальные города Российской империи.

Офицерский состав полка был довольно дружным. Были тут и молодые подпоручики – вчерашние юнкера, и офицеры постарше. Были и пожилые отцы семейства, как командир полка полковник Травин и начальник штаба подполковник Жилин. Вечера обычно проводили в офицерском собрании, где ужинали, играли в карты, бильярд. Иногда ездили в гости к здешним помещикам. Обычно по праздникам в офицерском собрании проходили балы, где собиралось местное общество, играл полковой оркестр, и среди офицерских мундиров кружились в танце штатские костюмы и дамские платья.

Офицеры приняли Евгения хорошо. Были тут выпускники его же училища, с удовольствием вспоминая годы учебы и преподавателей. Подпоручик Ярославцев был назначен на должность полкового адъютанта, которая оставалась вакантной, после того, как занимавший ее поручик Ольховский был переведен в третью роту на место, поступившего в Академию Генерального штаба штабс-капитана Сутормина. Для жилья Евгению отвели небольшую, но чистую избу, где жил Сутормин, и приставили к нему денщика, малороссийца Петро Ляшко. Сразу по прибытии в полк и представлении командиру полка Евгений был приглашен им на обед:

– Знаете, подпоручик, я ведь вам в отцы гожусь, и поэтому позвольте мне по-отечески пригласить вас на обед. Моя супруга, Мария Алексеевна, наслышана о вашем прибытии и желала бы познакомиться с вами. У нас тут по-простому, петербургских церемоний нет.

– Слушаюсь, господин полковник.

– Нет, вы не поняли. Это не приказ, а просьба с моей стороны.

– Я согласен, господин полковник.

– Ну-с, вот и отлично. Степан, подавай сани!

– Так точно, ваше высочорodie! – послышался голос вестового.

Полковник Травин и Евгений вышли из штаба и сели в сани. Вестовой Степан взмахнул кнутом, гикнул, и они покатали по укатанной колее, виляющей между небольших холмов с засохшим бурьяном, торчавшим из снега и качавшимся на ветру.

Мария Алексеевна, статная пожилая дама, радушно встретила Евгения, буквально как родного. Своих детей у четы Травиных не было, поэтому полковая молодежь в какой-то мере заменяла их. Накрытый стол ошеломил Евгения обилием блюд, большинство которых были малороссийскими.

Кушать ему не хотелось, но он, делая над собой усилие, все же пытался.

– Как же вы плохо кушаете, господин подпоручик. Вы, пожалуйста, не стесняйтесь. У нас ведь по-простому.

– Благодарю, Мария Алексеевна, но я уже сыт.

Видя, что Евгений мучается и ест из приличия, полковник решил прийти ему на помощь:

– Мария Алексеевна, позвольте нам поговорить о делах службы с господином подпоручиком?

– Хорошо, – сказала Травина и вышла из гостиной.

– Вижу, что вас что-то тревожит. Доверьтесь мне, старику. Может, я смогу чем-то помочь вам?

– Нет, господин полковник. Это к службе не имеет отношения, это – личное.

– Дама? Ну, впрочем, не буду вам надоедать. Захотите – сами расскажите. Но мне не хотелось, чтобы вас что-то отвлекало от службы.

– Господин полковник, обещаю вам, что все мои помыслы будут связаны со службой, и важнее этого для меня ничего нет.

– Верю вам, молодой человек, и со своей стороны обещаю помощь и поддержку.

– Благодарю вас, господин полковник. Разрешите отбыть в полк?

– Поезжайте.

– Слушаюсь, – щелкнув каблуками, Евгений повернулся «кругом» и вышел.

По дороге в полк он с удовлетворением думал, что с командиром полка ему повезло. Понравилось и то, что Травины – люди не только добрые, но и тактичные. Видя, что ему трудно рассказывать о себе, они не стали больше докучать ему расспросами, а начали рассказывать о себе, о службе, о сослуживцах, о местных жителях.

Приехав домой, Евгений, не раздеваясь, бросился ничком на кровать и вновь предался своим невеселым мыслям, тоске по своей, хотя уже чужой, Катеньке.

Громыкнув в сенях ведром, вошел денщик Ляшко:

– Ваше благородие, прикажете самовар ставить?

– Нет, Петро, не надо.

– А разрешите мне, вашбродь, до земляка сходить? Он тут у господина поручика Пуховского в денщиках.

– Ладно, иди.

– Слушаюсь, вашбродь!

Петро вышел, вновь громыкнув ведром в сенях.

Евгений встал, снял китель, сапоги и лег на спину, заложив руки за голову. И снова черные мысли заполнили его мозг, и он не знал, как избавиться от них: «На дуэль бы его, подлеца, вызвать! Хотя больше виноват не он, а папаша его». Так терзаясь грустными мыслями, Евгений заснул только к рассвету. А утром его будил денщик Ляшко, как всегда громыкая ведром в сенях. Служебные дела отвлекали Евгения от нерадостных мыслей, но по вечерам они овладевали им вновь. Поручик Пуховский, сочувствуя ему, советовал даже приударить за кем-нибудь из местных барышень, чтобы отвлечься от грусти. Но Евгений наотрез отказывался от этого, хотя многие молоденькие жительницы городка заглядывались на него и «строили ему глазки».

Так пролетели первые полгода службы.

Как-то на обеде в Офицерском собрании командир второй роты капитан Попов заявил:

– Знаете, господа, пожалуй, скоро война будет. На Балканах убили австрийского принца Франца-Фердинанда. Говорят, какой-то сербский студент это сделал. Теперь австрияки полезут сербов наказывать, ну а мы, думаю, вступимся за братьев-славян.

– Откуда же вам это все известно, господин капитан? – слышались голоса.

– У меня кузен в штабе армии служит. Супруга у них гостила. Вчера приехала и письмо мне от него привезла.

– Что же ваш кузен еще пишет?

– Ну, остальное – малозначительно. Так, дела семейные.

– Вот, а мы сидим тут, в этой дыре и не знаем, что на свете делается.

В это время в Офицерское собрание вошел Евгений с приказом командира полка: «Господам офицерам немедленно прибыть в штаб полка».

– Ну вот, господин капитан, кажется, ваш кузен накаркал...

– Чему быть, господа, того не миновать.

Командир полка полковник Травин сообщил офицерам о том, что Германия объявила войну России.

– Готовимся выступать, господа, в западном направлении. Пункт назначения будет объявлен позже. Выступаем послезавтра, на рассвете. А теперь прошу прибыть в свои подразделения и готовить людей к выступлению.

Улучшив момент, Евгений обратился к полковнику:

– Господин полковник, разрешите мне перейти из штаба в одну из рот?!

– Успеете, голубчик, еще навоеваться. Не торопитесь, всему свое время. Да и нет в ротах вакансий, насколько я знаю.

Война для Русской армии началась не так, как предполагало воинское начальство. Огневая мощь немецких орудий буквально ошеломляла. Отвечать противнику было сложно. В Русской армии сказывалась нехватка боеприпасов. Это приводило к огромным потерям и отступлению с занятых позиций.

Полк Евгения входил в войска Юго-Западного фронта, которым противостояла Австрийская армия. Если на Северном и Западном фронтах немецкие дивизии теснили русские войска, то на Юго-Западном фронте австрийцам это сделать не удалось, и бои проходили с переменным успехом. И только нехватка боеприпасов не позволяла Юго-Западному фронту потеснить австрийские войска. Пушки на русских позициях частенько молчали, а роты бросались в штыковую атаку.

Вскоре в одном из боев был тяжело ранен командир второй роты капитан Попов, и приказом командира полка его место занял подпоручик Ярославцев. Правда, состав роты насчитывал едва ли не половину штатного расписания довоенного времени, а пополнений пока не поступало.

Освоился в роте Евгений довольно быстро, да и как иначе на передовой, где жизнь буквально висит на волоске. Выполняя приказы командования, он водил роту в атаку, посылал охотников за «языками», да и сам два раза участвовал в этих вылазках. Его поначалу иногда удивляли решения, принимаемые начальством. По приказу, выбив австрийцев с какой-нибудь высоты, он получал другой приказ, отойти назад, оставив эту высоту противнику. Но почему?! Как-то он спросил об этом у поручика Пуховского, командовавшего первой ротой. Тот пояснил:

– Сложно понять, если вообще возможно, наших штабных. Поэтому меня уже ничего не удивляет. Скоро и вы, Евгений Владимирович, перестанете удивляться этому.

С начала войны Евгений написал письмо родителям, и вот пришел ответ. Писал отец. В письме было благословение на правое дело – войну за Россию. Дома было все по-прежнему, без изменений. Далее шла рука матери. Она передавала приветы от родственников, знакомых, Евгений надеялся узнать что-нибудь о Кате, но увы, о ней родители не сказали ни слова.

Второй год войны принес много бед и несчастий русским войскам. Почти вся гвардия полегла в Силезских болотах, разбиты и интернированы были войска генерала Самсонова, который предпочел пулю в висок позору. Огромных усилий стоило остановить немцев и перевести войну в позиционную, окопную. Это дало возможность перевести дух, сделать необходимые изменения в войсках, а главное – в головах командного состава.

Война учила быстро. Способные продвигались по службе, а ретрограды переводились на тыловые должности. Евгений получил очередное воинское звание поручика. Он был уважаем солдатами своей роты, которым несмотря на молодость командира, по душе были его храбрость, справедливость и зрелость не по годам. Они называли его «наш» или «ротный» с нотками гордости в голосе, старались уберечь его от пуль противника. Было два случая, когда в атаке на вражеские позиции солдаты закрывали собой тело ротного при обстреле. Полковое начальство знало об отношении солдат к Евгению и ценило это. Поручик Ярославцев был представлен к ордену Станислава с мечами. Сейчас, на войне, Евгений почти не вспоминал Катю. Постоянное пребывание в состоянии между жизнью и смертью не давало времени для воспоминаний. Приходилось всегда думать о текущих заботах, о солдатах своей роты, о выполнении приказов начальства. Лишь однажды, при сильном артиллерийском обстреле, когда казалось,

что мир перевернулся с ног на голову, Евгений вдруг увидел перед собой образ Кати, и понял, что он не погибнет в этом аду, он обязательно еще встретится с ней. Письма от родителей приходили нечасто, но ничего нового в них не было. В Хомутино все было по-прежнему.

После окончания университета Леонид по протекции отца своего университетского товарища был зачислен на службу помощником прокурора Московской губернии. Они с Катей поселились в московском доме семьи Лошаковских. Катя, живя с нелюбимым мужем, не могла забыть Евгения. Леонид поначалу надеялся, что ее холодность к нему пройдет со временем, но потом смирился и иногда находил утешение на стороне, как бы мстя ей. О таких случаях Катя догадывалась, но они не волновали ее, да она и рада была меньшему вниманию мужа к своей особе. Она много читала, занималась рукоделием. Когда началась война, зная, что Евгений на фронте, она постоянно молила Бога, чтобы с ним ничего не случилось. Изредка в Нелидово приезжали Ярославцевы, но былой дружбы между семьями после замужества Кати уже не было. В отношениях пропали искренность и непосредственность. Они стали натянутыми, с напускной учтивостью. Это чувствовали и Полонские, и Ярославцевы. Катин отец по-прежнему сильно болел и уже не вставал с постели. Имение Нелидово было отписано на Катю, и в качестве приданого досталось Леониду. Вскоре заболела Катина мать, и Леонид не стал возражать против отъезда жены в Нелидово, к родителям. Он понимал, что она не может забыть Евгения, но никогда не упрекал ее в этом и даже не произносил имя соперника вслух. Разве мог такой самолюбивый человек признать себя побежденным, признать, что его жена любит другого?! Никогда! И Леонид, страдая в душе, внешне держал себя в руках, изображая на людях счастливого мужа. И даже своему отцу, от которого у него не было тайн, он, отвечая на вопрос «Как у вас с Катей?», говорил «Все хорошо, папа».

Высоко в небе плывут клочки облаков, подгоняемые едва уловимым слабым ветерком. В воздухе стоит полуденный зной. Хочется пить. Вот слышится свист, и в земляной бруствер влетает пуля, выпущенная с австрийской стороны. Земля посыпалась на плечо Евгения. Он очнулся от воспоминаний и огляделся. Солдаты дремали, разморенные жарой. Где-то в окопе слышался негромкий смех, поднимался дымок от курева.

– Внимание, рота! Не высовываться! Нас обстреливают! – крикнул Евгений, и его команду передавали дальше по окопам.

– Ваше благородие, господин поручик, – послышался голос вестового, – вам пакет из штаба полка.

Евгений взял пакет, вскрыл и стал читать.

– Командиров взводов ко мне! – приказал он ординарцу, рядовому Булдыгину, высокому, розовощекому солдату с ежиком светлых волос и глазами навыкате.

– Слушаюсь, вашбродь, – гаркнул тот, козырнул и побежал выполнять приказ командира роты.

В роте Евгения было четыре взвода почти довоенного численного состава. Большая часть людей была из пополнения. Приходилось, не жалея времени и сил, обучать военному делу эту людскую массу. Евгений сумел наладить обучение, привлекая на помощь немногих оставшихся в живых кадровых солдат довоенного состава роты. взводами командовали опытные унтер-офицеры, начинавшие службу еще в бытность Евгения юнкером.

Первым взводом командовал унтер Калабухов. Небольшого роста, коренастый с пышными усами, тридцати двух лет от роду. Он, не стесняясь, дубасил молодых солдат, полагая,

что так они лучше усвоят воинскую науку. Но дубасил не сильно, поэтому начальство закрывало глаза на это, да и жалоб на него никогда не было.

Второй взводный – унтер-офицер Печатников, тоже небольшого роста, тоже коренастый, с громовым голосом, лет около сорока, с шегольскими усиками и лысой головой. Он солдат пальцем не трогал, да и зачем, если они пугались его голоса. Печатников всегда разносил провинившихся во всю мощь своего голоса. Он кричал так, что солдату казалось, как будто его палкой бьют по голове.

Третьим взводом командовал унтер-офицер Уваров, крупный человек с огромными кулаками, тридцати пяти лет. Никто ни разу не видел его смеющимся и даже улыбающимся. Он ходил постоянно с мрачным выражением лица. Уваров никогда не дрался и не кричал на солдат. Они боялись одного вида кулаков этого верзилы, поэтому никаких нарушений в его взводе обычно не бывало.

И, наконец, четвертый взводный командир – унтер-офицер Любавин, тоже тридцатипятилетний рыжий, щуплый на вид, шустрый, любивший в разговоре с солдатами сыпать цитатами из Устава. Он всегда объявлял провинившемуся солдату, какие положения Устава тот нарушил, и какое наказание за это ему надлежит.

– Мною получен пакет из штаба полка, – начал Евгений, когда командиры взводов прибыли к нему. Командование приказывает, подготовиться к выступлению. Дают срок – три дня. Вопросы.

– Никак наступление будет, ваше благородие? – спросил Любавин.

– Прямо об этом не сказано, но можно полагать, что так, – ответил Евгений.

– Теперь идите к взводам и готовьте людей к выступлению, – добавил он, и командиры взводов, взяв под козырек, поспешили к своим солдатам.

Двадцать второго мая тысяча девятьсот шестнадцатого года Юго-Западный фронт Русской армии начал наступление с направлением главного удара на Луцк-Ковель. Полк Евгения входил в состав девятой армии под командованием генерала Лечицкого, которая наступала на Галич и Stanisлавов. Наступлению предшествовала мощная артиллерийская подготовка. Были повреждены многочисленные проволочные заграждения и полоса укреплений, превращенная в груды обломков и истерзанных тел ее защитников. В эти, разбитые артиллерией проходы в проволочных заграждениях, хлынули наступающие русские войска и среди них Евгений Ярославцев со своей ротой. Австрийцы бежали, бросая оружие, раненых, боеприпасы. Много солдат противника сдавалось в плен. Среди русских потерь было мало. Евгений предостерегал своих солдат от излишней эйфории, призывая не расслабляться и быть начеку. Иногда в уцелевших укреплениях русских встречали защитники с гранатами в руках. Отказавшихся сдаться в плен забрасывали гранатами, и волна атаки катилась дальше.

– Ваше благородие, дозволейте доложить: Пилипчука убило, – ординарец Булдыгин докладывал, держа трясущуюся руку под козырек.

– Господи, каптенармуса то как угораздило под пулю попасть? – спросил Евгений, недовольно хмуря брови.

– Так что, ваше благородие, решил он повозку австрийскую, того самого, забрать. А тут живой австрияк оказался, под ней лежал. Ну и выстрелил он в Пилипчука. Наши то сразу его убили, этого австрияку. Да вот Пилипчук то... – объяснил Булдыкин.

– Ну ладно, фельдфебель нового каптенармуса подберет.

– Дозвольте мне, ваше благородие? – Булдыкин выжидающе смотрел на Евгения.

– Да черт с тобой, если фельдфебель не возражает, – сказал Евгений и пошел навстречу к подъехавшему в расположение роты адъютанту командира полка, штабс-капитану, князю Щелканову. Это был жизнерадостный блондин с усиками, в пенсне. Его полноватая фигура была затянута в новенький мундир с аксельбантами и сверкающими на солнце золотыми погонами.

– Здравия желаю, господин штабс-капитан. С чем пожаловали? – подходя к нему, спросил Евгений.

– Добрый день, Евгений Владимирович. Что уж вы, право, так официально?!

– Мы же на службе, Алексей Петрович, не так ли?

– Да ладно вам, батенька. Евгений Владимирович, мы же одни, так что можно по-простому, без чинов. Мы ведь одно училище окончили.

– Ну вы то постарше на пару лет, Алексей Петрович.

– Да Бог с вами. Полно-те.

– Хорошо, не буду.

Командир полка обращается к вам с просьбой, заступить в командование первым батальоном. Его командир подполковник Желядин убит во вчерашнем бою.

– Но ведь есть командир первой роты поручик Пуховский, и он по выслуге лет старше меня.

– Но господин полковник желает видеть на этой должности вас, именно вас, Евгений Владимирович. Он уже подал представление о присвоении вам следующего звания.

– А кто заменит меня в командовании ротой?

– Ваш заместитель, подпоручик Лебедев, кто же еще. Или вы считаете, что он не справится?

– Нет, нет. Владимир Сергеевич – прекрасный офицер, и лучшей кандидатуры, пожалуй, сейчас не найти.

– Ну вот и хорошо. Поздравляю вас, Евгений Владимирович. С вас причитается.

– Спасибо, Алексей Петрович. За мной не пропадет. Останетесь у нас на ужин?

– Нет, спасибо. Мне еще в двух ротах побывать надо, третьей и четвертой.

– Кстати, как у них дела? Потерь много?

– Потерь немного, воюют достойно.

– Рад за них, за наш полк и командира.

– Да, пока компания для нас успешна, но что будет дальше, посмотрим.

– А что, есть какие-то опасения на этот счет?

– Да вот, Западный фронт не поддержал наше наступление, и противник может двинуть на нас дополнительные силы, а резервов нам не обещают. Ну да ладно, это дело наших генштабистов, а у нас свои дела. Прощайте, Евгений Владимирович. Принимайте батальон, сдавайте роту. Дай Бог вам удачи!

– Спасибо, Алексей Петрович. И вам тоже всего доброго. Прощайте.

В тот же вечер князь Щелканов был убит шальной пулей, когда возвращался в штаб полка. Узнав об этом, Евгений подумал, что, прощаясь с ним, князь как будто чувствовал свою смерть. Обычно веселый, расставался он с серьезным видом и, как бы навсегда.

Штаб батальона находился в небольшом прикарпатском городке, улицы которого были забиты брошенными повозками отступающей австрийской армии. Сопровождавший Евгения денщик Петро Ляшко оглядывал эти повозки и одобритительно цокал языком:

– Добра то сколько! Да...

Заместитель командира батальона маленький пожилой капитан Ткалич, увидев на плечах Евгения новенькие погоны штабс-капитана, сначала нахмурился, но потом доложил по форме о состоянии дел.

Было видно, что он привык быть на вторых ролях, быть заместителем, и уже на самостоятельные решения и действия не способным. Перед войной он собирался в отставку. Но тут война, и он остался на своей должности.

Евгений, приняв дела, сразу решил навестить первую роту, получившего очередное звание, штабс-капитана Пуховского, чтобы познакомиться с личным составом роты, узнать о нуждах и оценить боеготовность подразделения.

– О, Евгений Владимирович! Очень рад за вас! Поздравляю с повышением и в должности, и в чине!

– Спасибо, Петр Иванович, но я прибыл не для поздравлений.

– Понимаю, понимаю вас. А все же, с вас причитается.

– Ляшко! – крикнул Евгений денщика. – Давай!

– Разрешите, вашбродь, – Ляшко, зайдя в комнату, вытянулся во фронт.

– Ладно, давай, – сказал Евгений.

Ляшко поставил на стол бутылку коньяка.

– Разрешите иттить, вашбродь?!

– Да иди уже и давай нам ужин.

– А вы ведь тоже не проставлялись за звание, Петр Иванович.

– Вот теперь и сполна за все рассчитаемся, – сказал Пуховский и, достав из тумбочки бутылку коньяка, поставил ее на стол.

– Ну этого будет слишком много, – запротестовал Евгений.

– С вашего позволения, к нам присоединятся еще двое, – сказал Пуховский.

– Кто эти двое?

– Ваш Лебедев и мой Медведецкий, если вы не против?

– Да нет же, но вдруг что-то...

– Фельдфебели начеку, и взводные тоже. Извините, Евгений Владимирович, что я не пригласил капитана Ткалича, или надо было?

– По правилам хорошего тона – конечно, но какой-то он... аморфный что ли.

– Насколько я знаю, он не пьет вообще и осуждает господ офицеров, позволивших себе иногда расслабиться.

– Ну и ладно. Бог с ним.

Тут прибыли два подпоручика: Лебедев из второй роты, коренастый невысокий с мальчишеским безусым лицом и виноватой улыбкой; Медведецкий Сергей Андреевич, высокий, худощавый с усиками, брюнет.

– Разрешите, – сказали оба сразу и заулыбались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.